

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5516729>

Метроном

Направленность: Джен

Автор: Гениальный Идиот (<https://ficbook.net/authors/480287>)

Фэндом: Yuri!!! on Ice

Пейринг или персонажи: Отабек, Юра, фоном Виктор и Гоша

Рейтинг: R

Жанры: Ангст, Драма, Мистика, Детектив, Психология, Hurt/comfort, AU

Размер: Мини, 26 страниц

Кол-во частей: 11

Статус: закончен

Описание:

Отабек разгадывает тайну старой Питерской коммуналки

Посвящение:

9 мая. Это, конечно, праздник, но со слезами на глазах. Вспоминаем: нашего без вести пропавшего прадеда, нашего деда - героя-связиста, бабушку-радистку, вторую бабушку - труженицу тыла. И всех, кто защищал Родину на фронте и в тылу, всех, кто жил в блокадном Ленинграде

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

№2 в топе «Джен по жанру Детектив»

№14 в топе «Джен по жанру Hurt/comfort»

№14 в топе «Джен по жанру Мистика»

№21 в топе «Джен по жанру Психология»

№28 в топе «Джен по жанру Драма»

№34 в топе «Джен по жанру Ангст»

TOC

TOC	2
1	3
2	5
3	7
4	10
5	13
6	16
7	19
8	21
9	23
10	26
11	30

В Питере, как ни странно, еще сохранился такой пережиток советской эпохи, как коммунальные квартиры. Большие, на несколько комнат, с высокими потолками, панорамными окнами, старинной мебелью и специфическим запахом. Древних книг, старомодных духов и чего-то такого, вроде нафталина, чем пахло, Отабек помнил, бабушкино зимнее пальто с меховым воротником, которое она хранила в кладовке в их квартире в Алматы. Что еще более удивительно, в них до сих пор жили порой совершенно незнакомые друг другу люди. Занимали очередь в ванную и делили полки в холодильнике. Отабек до последнего отказывался верить, пока найденный через внутреннюю университетскую сеть самопровозглашенный риелтор с пятого курса всерьез не предложил ему посмотреть на один из вариантов.

Отабек учился на третьем курсе Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета, и с некоторых пор жизнь в общежитии совершенно перестала его устраивать. Отабек не был ботом-задротом, в понимании однокурсников, любил тяжелую музыку, носил не менее тяжелые ботинки, кожаные штаны, увесистую цепь на них, косуху, серьгу в ухе и модный андеркат, а еще гонял по городу на мотоцикле с казахстанскими номерами, каким-то чудом не огребая за превышение скорости. Нередко бывал с товарищами в клубах, даже пробовал ди-джействовать на институтских сходках. Однако в Питер он приехал учиться, поэтому все эти танцы-гулянцы соседей по комнате или даже по этажу с алкогольными возлияниями и последующими излияниями содержимого желудка в местах общего пользования, когда ему надо было сдавать чертеж очередного курсового проекта, откровенно раздражали. Не говоря уже о том, что пару месяцев назад он устроился на подработку реставратором, и в его жизни появился режим с питанием по расписанию и здоровым сном, который совершенно не вязался с бытом и нравами общежитийной молодежи.

Квартира располагалась в небольшом тихом переулке, большинство окон ее выходило в тихий заросший дворик, где на лавочке возле парадной, как в кино, сидели старушки с томиком Блока или Гумилева, что как бы подтверждало статус Питера как культурной столицы России. Отабек, перескакивая через ступеньку, поднялся на третий этаж, оглядел давно не отремонтированную, но довольно чистую лестничную клетку и, откашлявшись, позвонил в дверь с номером семнадцать. Дверь открыл молодой светловолосый мужчина, губы его мгновенно расплылись в улыбке, голубые глаза сверкнули огоньком догадки.

- Ты, наверное, студент-архитектор, – скорее утвердительно проговорил он. – Отабек, если правильно помню.
- Да. А вы Виктор? – уточнил Отабек, поправив лямку рюкзака и припомнив телефонный разговор с ответственным квартиросъемщиком.
- Точно так, – снова улыбнулся мужчина. – Ну, ты проходи, покажу тебе нашу конуру.

Конурой эти четырехкомнатные хоромы у Отабека назвать не повернулся язык. Здесь можно было разместить небольшой филиал какой-нибудь подпольной или не очень организации, нанять гастарбайтеров и шить шмотки на продажу. Но жили здесь только Виктор и его товарищ, Георгий, которого дома не было, но Виктор заверил, что против Отабека тот не будет, и что именно это решение Виктор с ним согласовал, в отличие от

многих других решений, принятых в рамках их небольшого коллектива. Язык у Виктора был без костей, поэтому через несколько минут Отабек уже знал, что и Виктор, и Георгий – музыканты и играют то там, то сям, по подвалам и квартирникам, перебиваясь нестабильными заработками. Что квартиру эту Виктор снимает уже много лет у какой-то благообразной старушки, Божьего одувана, которая переехала отсюда жить к родственникам за город, и что раньше они с Гошей занимали все три свободные комнаты, но теперь дела их совсем плохи, и они решили взять еще одного жильца.

Две комнаты, которые хотели оставить за собой Виктор и Гоша, были смежными и располагались ближе ко входу, напротив санузла и кухни. Дальняя комнатка, в самом конце коридора, была занята вещами, которые оставила после себя хозяйка, а средняя, между обителью двух музыкантов и этой каморкой, доставалась Отабеку. Комната была светлая, довольно просторная, из мебели – выдавший виды раскладной диван, пара стульев, шкаф, несколько полок для книг, захеревавший в чисто мужской компании, но, судя по многолетнему сожителству, весьма героический фикус в кадке и, что особенно порадовало Отабека, большой письменный стол. Окна выходили во двор. Тихо и спокойно. Как раз то, что нужно.

Договориться с Виктором о цене и немногочисленных правилах проживания не составило большого труда и не отняло много времени. Поэтому к вечеру Отабек успел перетащить свой нехитрый скарб, состоявший из тубуса с недочерченными проектами и небольшой спортивной сумки с одеждой и разным мелким хламом, и спать лег уже на новом месте. Виктор отправился на какой-то очередной квартирник, поэтому Отабек остался один и все пытался устроиться поудобнее на скрипучем диване. Наконец угнездившись, он глубоко выдохнул, закрывая глаза и вслушиваясь в звенящую тишину пустой квартиры. Разве что на самой грани сна он разобрал доносившийся из глубины коридора мерный, успокаивающий стук, похожий на громкое тиканье часов.

2

В четверг у студентов третьего курса по расписанию была военная кафедра, и поскольку Отабек как гражданин Казахстана военнообязанным не был, он позволял себе в этот день выспаться, как и все немногочисленные девочки на курсе. Позднее утро, ну, или ранний день, выдались необычно солнечными для хмурого Питера, и Отабек с удовольствием потянулся в кровати, высунув из-под одеяла ногу и обе руки и подставив их солнечным лучам. Лениво пролистал ленту фейсбука, проверил почту, отписался маме, что переехал благополучно и спал нормально, соседи спокойные, он всем доволен и денег высылать не надо. Когда в животе призывно заурчало, он встал и, зевая и почесывая затылок, пошлепал босиком на кухню, минуя оставленный прямо в коридоре чехол с контрабасом Георгия. Соседи, вероятно, вернулись вчера поздно и теперь отсыпались, по крайней мере, из-за двери их смежных комнат доносился богатырский храп.

Зажмурившись от особо сладкого зевка, он открыл глаза, которые в момент округлились до максимально возможного для казаха состояния, потому что на кухне спиной к нему стоял у окна абсолютно незнакомый человек. С Георгием он успел познакомиться вчера вечером, он заходил за Виктором, поэтому это был точно не Георгий. Отабек даже не сразу понял, мальчик это или девочка, потому что светлые волосы субъекта почти касались узких худых плеч, а невысокая фигура была хрупкой и тонкой, так что, казалось, сломается от одного прикосновения.

Незнакомец обернулся к Отабеку, окинув его взглядом с ног до головы, презрительно фыркнул, словно недовольный кот, и буркнул себе под нос что-то вроде: "Новенький? Добро пожаловать, бл*!" Отабек не то чтобы рассчитывал на какое-то радушие, но и такого откровенного негостеприимства тоже не ожидал. Однако лезть на рожон он не привык, поэтому просто пожал плечами и щелкнул чайником. Зато теперь Отабек был уверен, что перед ним юноша. Или мальчик. Если быть точным, то что-то среднее. Ему было от силы пятнадцать-шестнадцать, и у него было бледное и худое лицо с острыми, словно выточенными из мрамора чертами, и еще по-детски большие зеленющие глаза, смотревшие так грозно, будто он метал ими громы и молнии.

Отабек достал из хлебницы батон белого хлеба, который он за три года жизни в Питере так и не научился называть булкой, обзавелся потертой доской и давно не точенным ножом и принялся готовить традиционный холостяцкий завтрак. Вчерашняя санация холодильника показала, что мыши в нем вешаются с завидной регулярностью, так что Гоша и Виктор уже устали убирать трупы. Именно поэтому Отабек вчера сходил в ближайший магазин и затарился нехитрым провиантом и теперь намеревался с удовольствием умять три-пять бутеров с сыром или колбасой, или и с тем, и с другим, а еще выпить горячего чая.

Открыть холодильник Отабек постарался по возможности осторожно, чтобы не потревожить так и стоявшего у окна паренька. Тот на его движения практически не отреагировал, однако как только дверь холодильника захлопнулась с характерным шлепком, а Отабек зашуршал запакованной в полиэтилен нарезкой сыра и колбасы, обернулся и завис, разглядывая руки Отабека. Тот чувствовал взгляд, но пытался не обращать внимания, намазал три ломтика хлеба сливочным маслом, накрыл сыром и

колбасой, подумал немного, отрезал еще один кусок. Парнишка следил за каждым его движением, словно проверял. Может, подумал, что Отабек позарился на чужие продукты? Может, он родственник Виктора? Тоже светленький, в принципе. Вполне может быть.

Отабек намазал четвертый ломтик маслом, отложил и встал. Вчера в магазине ему всучили по акции банку какого-то низкокалорийного джема без сахара и он запихнул его куда-то на полку. Вот он сейчас будет очень кстати. Щелкнув крышечкой, Отабек потянул носом: какой-то ягодный, не разберешь. Окунув нож в джем по самую рукоятку, Отабек зачерпнул вязкую малиновую желеобразную жижу и размазал ее по ломтю.

Парень смотрел, пока Отабек не закончил, щелкнув крышкой джема. Затем снова фыркнул и отвернулся к окну. "Подумаешь. Дедино варенье крыжовное вкуснее", - расслышал Отабек негромкое бормотание. Может, парень тоже хотел позавтракать?

- Я могу еще сделать, – проговорил он, протягивая парню намазанный маслом и джемом бутерброд. – Будешь или нет?

Парень обернулся резко, и в зеленых глазах его была смесь чувств, которую Отабек, наверное, не решился бы описать. Страх вперемешку с радостью, благодарностью и еще чем-то странным, не поддававшимся здравому осмыслению. Парень несколько раз моргнул, попятился до подоконника, а потом рванул с места и выскочил из кухни. Хлопнула дверь. Отабек посидел немного, пожал плечами и впился зубами в бутерброд.

3

В следующий раз странного паренька Отабек увидел через пару недель, вечером. Виктор и Георгий снова уехали давать концерты, а он корпел над очередным чертежом, зажав в зубах кронциркуль и заложив за ухо карандаш. Окна у него были на восток, поэтому к вечеру в его комнате быстро темнело, да и погода была не ахти - небо снова заволокло низкими серыми облаками. Чертить с таким освещением уже не получалось, и Отабек прервался, чтобы включить верхний свет, подошел к выключателю у входа, и услышал за дверью шорох.

В щелку приоткрытой двери он увидел его. Парень явно подсматривал, но, как только Отабек заметил его, демонстративно отвел взгляд.

- Привет, – поздоровался Отабек, чуть шире открывая дверь. – Я не слышал, как ты вошел. У тебя свой ключ?

- Ага, свой, – как-то презрительно произнес паренек и поджал тонкие губы, вскинул острый подбородок.

- Ясно. Я Отабек, кстати. Живу здесь теперь. Ну, ты знаешь, наверное, – Отабек посмотрел на парня, тот сжал в кулаки тонкие пальцы и смотрел с вызовом.

Звереныш какой-то. Отабек сам был не сказать, чтобы общительным человеком, но что ж так на людей-то кидаться? И все-таки было что-то в этом пареньке такое, что от него невозможно было оторвать взгляда. Зеленые глазищи, наверное, которые Отабек не мог до конца прочитать.

- Ты родственник Виктора? – предпринял еще одну попытку наладить контакт Отабек.

- Вот еще, чтобы эта алкашня была мне родственником? Нетушки, спасибо. Не надо нам такой семьи, – фыркнул парень.

Да, Виктор периодически закладывал за воротник, Отабек в этом успел убедиться лично. Хотя его в целом это не очень волновало и расстраивало. Виктор и так-то был незлым и добродушным, а когда принимал на грудь рюмку-другую коньячку, вообще становился мягоньким, податливым и смешливым, балагурил, до тех пор пока не выпивал третью-четвертую, и не начинал плакать. И тогда Отабек узнавал какие-нибудь истории из его жизни о чудовищной несправедливости, чьей-нибудь подлости или предательстве, творческих метаниях и продажной шлюшке-музе, которая посещает не его, непризнанного гения, а каких-то неучей, которые потом по закону подлости и мирового свинства, вместе взятым, зашибают за свои бездарные мелодии бешеные бабки.

Обычно после достижения этой фазы его уводил спать Георгий, которого либо алкоголь не брал от слова совсем, либо он незаметно выливал свою дозу горячительного в многострадальный фикус. Сам Гоша был парнем довольно хмурым и неконтактным. Виктор как-то протрепался, что это все от того, что Гошу "девки не любят". Отабек поверил. В общем-то, оба новых соседа ему по-своему нравились.

На Гошу парень был совсем не похож, но на всякий случай Отабек решил уточнить.

- Тогда Георгия?

- Пф... – фыркнул парень и закатил зеленые глазищи. – Этот вообще конченный неудачник.
- Но при этом у тебя есть ключи, – принялся размышлять Отабек, чувствуя себя минимум Шерлоком Холмсом ну или, на худой конец, доктором Ватсоном. – Значит, ты родственник хозяев. Внук?
- Ага, внук хозяина квартиры, – кивнул парень и оглянулся на комнатушку в конце коридора. – Тут мои вещи.
- А, вещи, – кивнул Отабек. – Я просто думал, ты за оплатой. Виктор вроде говорил, в конце месяца.
- Виктор тебе скажет! – съязвил парень. – Язык как помело.
- Ну, есть немного, – согласился Отабек. – Так что? Я деньги могу отдать. Правда, только за себя. Или можешь потом приехать, когда Виктор и Георгий будут, заберешь все вместе.
- Да, – согласился парень, – лучше вместе.
- Тебя как звать-то? А то я даже не спросил...
- Я... – парень, как показалось Отабеку, замялся на мгновение, отвел глаза, – я Юра.
- Отлично, Юра, – кивнул Отабек. – Ну, тебе шмотки надо собрать какие-то? Помочь?
- Да не, я потом, когда за деньгами приеду, – отмахнулся Юра. – А ты что там делаешь? – он заглянул в комнату.
- Чертеж сдавать в пятницу, вот и... – Отабек кивнул на разложенный на столе ватман.
- Я посмотрю, – скорее утвердительно, чем вопросительно, сказал Юра, протискиваясь в комнату между дверным косяком и Отабеком, благо, удобка позволяла.

Отабек пожал плечами и вернулся к чертежу. Юра сначала ходил кругами вокруг стола, рассматривал чертеж на ватмане, потом долго зависал над готовальной, едва касаясь, погладил подушечками тонких пальцев каждый инструмент и красное бархатное покрытие чехла. "У деда такая была", – пробормотал себе под нос почти неслышно. А потом встал у окна на приличном расстоянии и разглядывал Отабека, так что тот почти чувствовал, как пылливо ощупывает его взгляд зеленых глазищ. Интересно, что ему до Отабека? Смотрит так, как будто проверяет. Может, хозяевам не нравится новый жилец-азиат?

В двери прошуршал ключ, и в прихожей послышались голоса Виктора и Георгия. Отабек обернулся к Юре, тот смотрел в сторону коридора зло и как-то испуганно, что ли.

- О, Виктор и Гоша, – оповестил Отабек, – как раз деньги заберешь. Я сейчас, – он схватил рюкзак, чтобы достать кошелек, но Юра в несколько шагов преодолел расстояние до двери и быстро вышел.

Когда Отабек тоже выглянул в коридор, он увидел только, как Юра пулей промчался мимо скидывавшего пальто Гоши и Виктора, снимавшего ботинки, так что последний аж покачнулся и с кряхтением плюхнулся на стоявшую в прихожей табуретку. Входная дверь яростно хлопнула.

Отабек хотел было догонять, но Гоша как ни в чем не бывало закрыл дверь на щеколду, а Виктор вздохнул: "Вот же сквозняк". А потом добавил как ни в чем не бывало: "Привет, Отабек. Мы сегодня при деньгах, так что предлагаю заказать на дом что-нибудь вкусненькое". Отабек замер в дверном проеме и почувствовал, как волосы на затылке

встают дыбом. Виктор и Гоша явно не видели Юру. Ну, либо мастерски делали вид.

Ночью Отабек не мог уснуть. Виктор и Гоша после поедания пиццы с пивом на брудершафт за успех мероприятия храпели за стеной на два голоса, и получалось даже в некотором смысле музыкально. Отабек думал. О том, хватило ли бы у его соседей актерского мастерства, чтобы так его приколоть. Отабек склонялся к отрицательному ответу: Гоше, в его представлении, не доставало чувства юмора, а у Виктора всё на лице обычно было написано. И Отабек готов был спорить на деньги, что такое сложное лицо, как он изобразил, вспоминая, есть ли у хозяйки квартиры внук, который приезжает за деньгами, он вряд ли смог бы отработать на публику. Тогда по всему получалось, что ни Виктор, ни Гоша Юру действительно не видели. Тогда он либо призрак, либо Отабек сошел с ума.

Обе мысли не сказать, чтобы его порадовали. Вторая не сулила ничего хорошего, кроме комнаты с мягкими стенками на всю оставшуюся жизнь, а от первой и вовсе по спине пробежал неприятный такой холодок. И возникало какое-то необъяснимое желание помолиться, хоть Христу, хоть Аллаху, пусть Отабек и был атеистом. Мистику, уфологию и прочие аномалии он никогда не воспринимал всерьез. Но сейчас, лежа в темноте и бессознательно вздрагивая от каждого шороха, Отабек ой как во всё это поверил. Спать не получалось, как он ни старался, он ворочался, скрипя диваном, пока снова не услышал мерный стук, который он слышал в первую ночь в новой квартире и потом еще несколько раз. Стук доносился из глубины коридора, казалось, из той самой маленькой комнатухи, дверь которой никогда не открывалась. Отабек встал. В конце концов, выйти всё равно пришлось бы – выпитое пиво давало о себе знать. Он зажег на телефоне фонарик и сделал несколько аккуратных шагов к двери.

В коридоре был сквозняк, по ногам дуло холодом. Отабек прокрался в сторону каморки, встал рядом с дверью, сделал вдох-выдох, как заправский спортсмен, сжал в кулаке старую дверную ручку и надавил. Дверь поддалась не сразу, однако была явно не заперта. Отабек налёг плечом, внутри что-то скрипнуло, стукнуло, зашуршало. Он протиснулся в комнату, и дверь снова захлопнулась под натиском сваленного позади нее хлама.

Отабек наощупь поискал выключатель, нашёл только висевший с потолка доисторический шнурок. Подёргал – ничего не произошло. Хотя во всей квартире перебоев с электричеством не было. Отабек посветил мобильником вокруг себя – горы каких-то старых вещей: детские санки с несколькими выломанными досками и проржавевшими полозьями, какая-то проеденная молью одежда, несколько еще советских кожаных чемоданов, старинные часы, сложенные в аккуратные и не очень стопки книги, продавленные сидения от стульев, ещё что-то, за что у Отабека не зацепился взгляд. На широком подоконнике стоял источник того самого мерного стука – деревянная пирамидка со срезанной гранью, на которой был прикреплен металлический маятник с грузиком. Грузик был прикреплен довольно высоко, поэтому маятник раскачивался медленно, отсчитывая секунды. Отабек понял, что это метроном, однако такой устаревшей модели он за свои девятнадцать лет не видел даже в музеях.

Отабек потянулся пальцами к прибору чисто автоматически, может быть, в стремлении слиться с мерным стуком, хотя кровь у него в ушах отбивала куда более быстрый

сердечный ритм. Он уже почти дотронулся до маятника, когда услышал сзади бескомпромиссное: "Не трожь!" Отабек вздрогнул и обернулся всем корпусом.

Юра стоял у двери, сжав кулаки, и смотрел на него исподлобья своими зелеными глазами. Отабек молча смотрел на него, пытаясь найти подтверждение своей мистически-сумасшедшей теории. Он только теперь понял, что одет Юра точно так же, как был одет две недели назад, когда Отабек впервые увидел его на кухне. И одежда-то была довольно странной для современного подростка, какой-то старомодной: темно-синие плотные брюки, некогда светлая рубашка и что-то вроде форменного пиджака-тужурки. Светлые волосы казались давно не мытыми и немного спутанными. В глаза также бросалась болезненная худоба, которую он не разглядел в прошлый раз. Выделявшиеся высокие скулы, впалые щеки, тонкая шея, острые косточки запястий, обтянутые, казалось, только бледной кожей пальцы.

- Зачем сюда пришел? – спросил Юра, прищурившись.
- Тут... – Отабек оглянулся на метроном, по-прежнему отстукивавший мерный ритм.
- Тебя не касается, – фыркнул Юра, подходя.

Отабек посторонился, сшибив какую-то алюминиевую посудину. Юра цыкнул и посмотрел на Отабека возмущенно-выжидающе. Отабек посудину поднял, и так и остался стоять с ней в руках, не зная, куда ее пристроить. Юра легонько провёл кончиками пальцев по метроному, задумчиво глядя в окно. Света из окна почти не было, еще бы, во дворе единственный фонарь, и тот моргает постоянно, но Юру почему-то было очень хорошо видно.

- Ты призрак или нет? – вполголоса спросил Отабек, внутренне сжавшись.

Юра усмехнулся.

- Что если так? – скривил губы он. – Съезжай поскорее с нехорошей квартирки. И тем двоим охламонам тоже расскажи. Виктор будет истерить, я хоть посмеюсь, – Юра снова усмехнулся. – Живут здесь уже десяток лет как, и ни разу не заметили. Хотя я им и дверями хлопал, и воду проливал, и подвывал даже. Ноль внимания, килограмм презрения.

- Они тебя не видят, – пояснил Отабек.

- Как удивительно, – съязвил Юра. – Меня сейчас инфаркт хватит от удивления. Меня вообще мало кто видит, но вот так чтобы полностью игнорировать и не съезжать – эти два придурка первые.

- Мне кажется, тебя просто расстраивает, что они не обращают на тебя внимания, – пожал плечами Отабек.

- Да ты прямо мозгоправ, я смотрю! – Юра оскалился. – Короче. Уматывай отсюда. А то я тебе такую сладкую жизнь устрою, мало не покажется. А еще лучше, заberi с собой этих двоих идиотов и всем расскажи, что в квартире живут привидения. Ну чего встал? Чего уставился? – Юра сжал кулаки.

- Интересно, – признался Отабек, наконец понимая, что заставляло некоторых его знакомых взахлёб читать про паранормальные явления, а потом плевать, что они всю ночь не спали. – Но страшно немного.

- На аттракцион пришёл? Бу! – гаркнул Юра. – Всё? А теперь уматывай! – сказал он уже

тише, снова уставившись на метроном и прикрыв глаза.

- Зачем тебе метроном? – Отабек не удержал сорвавшегося с губ вопроса.

- Успокаивает, – ответил Юра, глядя как будто в никуда. – Если стучит – город жив. Если спокойно стучит – ещё и бомбёжек не будет. Вот и всё. Просто привычка.

Отабек сглотнул болезненный комок в горле и кашлянул. Как из тумана выплыли перед глазами уроки истории советского времени, строчки учебников и энциклопедий, кадры из фильмов, которые показывали в школе, памятник двадцати восьми панфиловцам в парке в Алматы. И как-то сложилось всё воедино: Юрина болезненная худоба, взгляд, которым он смотрел на бутерброды, и по-прежнему стучавший метроном.

- Ты... – Отабек еще раз сглотнул. – Ленинград... Блокада?..

Отабек стоял на кухне над выпрошенными у соседки кулинарными весами и смотрел на лежавший на них небольшой кусок чёрного хлеба, а ещё на электронные цифры на маленькой панели. Сто двадцать пять грамм. В голове не укладывалось. Как можно было прожить, съедая в день только это? Отабек поёжился, глянул в окно, прислушался.

Юры нигде не было. Вчера ночью он выгнал Отабека из каморки со скандалом, как только услышал слово «блокада». И предупредил, чтобы Отабек больше там не появлялся и вообще съезжал подобру-поздорову. При этом сказал он это таким тоном, шипящим, негромким, что Отабеку реально стало не по себе, поэтому он ушел. Но долго еще прислушивался к стуку метронома, лёжа под одеялом, пока в каморке что-то не упало, после чего метроном затих. А потом Отабек всю ночь сидел в интернете, посадив и планшет, и телефон, читал статьи про блокаду, смотрел документальные фильмы. От всего этого, от прикосновения истории, ему было как-то так жутко, что тряслись руки, но прекратить читать он почему-то не мог. Даже начал себя подозревать в мазохизме.

- Только качество хлеба было хуже, – донеслось откуда-то сбоку. Отабек вздрогнул, обернулся на звук. Юра стоял в дверном проеме, опустив голову. – Примесей много.
- Здравствуй, Юра, – поздоровался Отабек.
- Здорово, – хмыкнул Юра. Потом немного помолчал, казалось, был в замешательстве. Отвёл взгляд и пробормотал: – Почини мой метроном. Пожалуйста. Я его вчера столкнул. А теперь не могу... Вот, – он прикоснулся к двери, и рука прошла насквозь. Отабек внутренне сжался от увиденного, но виду не подал.
- Извини, – осторожно проговорил он. – Это я тебе напомнил про... И ты... Перенервничал?
- Напомнил он, – принялся ворчать Юра. – Я об этом всё время помню, если хочешь знать. Не так много было в жизни событий, чтобы помнить что-то другое. Ты починишь метроном?
- Я не механик, но могу посмотреть, – кивнул Отабек. – Пойдём?

Юра кивнул, исчез в полутьме коридора, и появился уже в каморке, когда Отабек осторожно приоткрыл дверь и протиснулся внутрь. Метроном валялся на полу, с маятника слетел грузик. Отабек взял прибор в руки, посмотрел, потряс немного, потрогал маятник, потом под пристальным взглядом Юры вышел, поискал в прихожей отвертку, вернулся в каморку. Сел на пол и принялся раскручивать винтики, державшие заднюю стенку. Юра смотрел, стоя над Отабеком.

- У тебя хорошо получается руками работать, – прокомментировал он. – Мой дед тоже руками работал. На заводе. А я ничего руками не умею. Не умел. Зато ногами мог.
- Ты бегал? – спросил Отабек, изучая механизм внутри метронома. От удара на первый взгляд ничего катастрофического не случилось, хотя Отабек метрономы никогда в своей жизни не чинил. И даже внутрь не заглядывал.
- Катался на коньках, – ответил Юра. – Фигурное катание, знаешь?
- Знаю, – Отабек кивнул. – Это красиво, – подумав, добавил он, и закрутил стенку метронома обратно.
- Да, – подтвердил Юра и чуть выше вздёрнул острый подбородок, – а ещё сложно. Много надо учиться. Я до войны каждый день на тренировки ходил. И в танцевальный

класс, там меня муштровала товарищ Барановская. Она прима в Мариинке. Была.
- Участвовал в соревнованиях? – спросил Отабек, нацепляя грузик на маятник по памяти. Чем выше – тем спокойнее ритм. Когда он пришёл сюда вчера ночью, стук был медленный, успокаивающий. Отабек прицепил грузик повыше.
- Нет, мне не было пятнадцати еще в сороковом году, меня не взяли, – Юра опустил голову. – А в сорок первом уже... На фронт, кстати, тоже не взяли. По возрасту не подошёл, сказали, маленький. Хотя я хотел добровольцем.

Отабек обернулся к нему. Странно, как Юра так спокойно мог обо всем этом говорить.

- Что смотришь? – Юра ощетинился. – Думаешь, не смог бы я Родину защищать?
- Смог бы, – уверенно кивнул Отабек, заводя метроном с помощью специального кольца.
– У тебя глаза... солдатские.
- Пф... – фыркнул Юра и отвернулся. – Много солдат видел, да?
- Только в кино, – пожал плечами Отабек. – Но мне кажется, ты бы смог, как в кино.
- Вот военкому по-другому показалось, – буркнул Юра.
- Понятно, – кивнул Отабек. Он встал, поставил метроном на подоконник и посмотрел на Юру. – Мне запустить его или нет?

Юра проигнорировал его вопрос, подошёл, посмотрел на прибор почти нежно. Вытянул указательный палец, нахмурился, словно с силами собирался, осторожно толкнул маятник, тот раскачался, и метроном начал отстукивать ритм. Отабек прищурился: как так получалось, что Юра, с одной стороны, мог и руку сквозь дверь, а с другой – вот так запустить метроном?

- Мне это не так просто, как тебе, – пояснил Юра. – Я лет десять тренировался.
- Когда ты?.. – Отабек осёкся.
- Когда я умер, ты хотел сказать? – хмыкнул Юра. – Не помню. Последние дни вообще как в тумане, я мало что помню. Но мне исполнилось шестнадцать, это я помню точно. Значит, после первого марта сорок второго.

Отабек принялся судорожно вспоминать прочитанные ночью статьи. Зима сорок первого – сорок второго годов была самой холодной в истории и самой тяжёлой за всю блокаду. Голод и страшный для Питера мороз. Легче стало только в конце марта, когда пришли партизанские обозы с едой, но Юра, видимо, уже не дожил.

- И ты все семьдесят с лишним лет здесь? – Отабек оглядел маленькую каморку.
- Нет, – ответил Юра. – Бываю ещё в танцевальном классе в Мариинке. И на катке. И на заводе, где дед работал. Он там и умер, у станка. И на дедовой могиле иногда, но очень редко. Чаще всего здесь.
- А кроме деда? У тебя был еще кто-то кроме деда? – спросил Отабек и снова прикусил язык.
- Отца на фронт забрали почти сразу. Он погиб. Я сам похоронку приносил. Почтальоном подрабатывал, как мор пошёл. Чтобы карточку как служащему получить, там норма хлеба была больше. Да зачем я тебе всё это рассказываю вообще? – Юра отошёл к окну. – Тебе всё это ни к чему знать, – язвительно усмехнулся он. – Пойди в интернете почитай.
- Расскажи, Юра, – возразил Отабек, сам не понимая, зачем. От прочтённого и увиденного вчера и так подташнивало, и в горле застревал комок. Но каким-то шестым

чувством он понимал, что нужно выслушать. Просто нужно. Без причины. – Пожалуйста, расскажи.

Юра сложил руки на груди и с сомнением посмотрел на Отабека, потом на стучавший на подоконнике метроном.

- Только потому что ты его починил, – сказал он. – А потом ты съедешь отсюда.

Примечание к части Уважаемые читатели!

Данная часть содержит описания жизни в блокадном Ленинграде, основанные на рассказах переживших блокаду людей и архивных данных. Эти описания могут быть эмоционально восприняты людьми с тонкой душевной организацией. Если вы себя к такому относите, убедительно просим проявить осторожность при чтении - нам не хочется быть источником переживаний. Наиболее тяжелые факты мы постарались опустить, чтобы соответствовать заявленному рейтингу. И всё же, будьте осторожны.

Если вы хотите узнать только факты, необходимые, чтобы дальше следить за развитием сюжета, обратитесь к нам в ЛС или отзывах - мы ответим.

6

- Мать погибла при артобстреле ещё в ноябре. Она была в добровольной дружине, которая обходила квартиры и проверяла выживших. Сирот в детские дома отводила, – Юра опустил голову, лицо занавесили светлые слипшиеся пряди, а руки снова сжались в кулаки. – Кто б знал, что нас потом так же придут проверять. Дед тогда выменял свой рабочий паёк двухдневный на гроб и всё причитающееся. Его чуть не загнобила за это соседка. Говорила: «Ради мертвых живых губишь, о внуках подумай.» А он всё равно. Я считаю – правильно.

- Правильно, – согласился Отабек. – У тебя брат или сестра?

- Брат младший, – ответил Юра, – шесть лет исполнилось в декабре.

- Он?.. – Отабек посмотрел вопросительно.

- Не знаю, – Юра вскинулся. – Сколько я помню, был живой. Дед умер в январе. Пока он был жив, мы ещё так-сяк. У него норма хлеба, как у рабочего на заводе, почти в два раза больше была, он всё почти отдавал нам. Один раз даже принёс масло сливочное, поделил пополам, мне и брату прямо в рот затолкал, пока никто не видел. Откуда достал – не знаю до сих пор. Часы свои продал, наверное, они дорогие у него были, наградные. Их при нём не было, когда хоронили. А может, из рабочих украл кто.

- Его тоже?.. Ну, похоронили? – уточнил Отабек.

- Тогда уже поодиночке не хоронили, – хмыкнул Юра. – Слишком много умирало.

- Семь тысяч в день, – вырвалось у Отабека.

- Ты всё знаешь у нас, да? Зачем я тогда тут распинаюсь? – окрысился Юра.

- Нет, продолжай, – Отабек поднял руки в защитном жесте. – Я просто читал...

- Читал он, – фыркнул Юра. – В братских могилах хоронили, на Пискаревском. И дед там. Под плитой "Январь сорок второго".

Юра замолчал. И Отабек тоже молчал, не зная, что дальше делать.

- После смерти деда совсем тяжело стало, – продолжил Юра. – Наши два пайка – и всё. Соседка по квартире, тётя Клава, из крахмала и клейстера студень готовила, помню, очень его хотелось. Но у неё своих ртов было... Пока не померли все. И мы остались в этой квартире одни.

- Страшно было? – спросил Отабек.

- В квартире-то оно не страшно, – Юра опустил голову. – Уходить страшно было и его оставлять, – совсем тихо добавил он. – Вернусь – живой он будет или нет? И слухи разные ходили, что у людей от голода рассудок отказывал. А он маленький, разве смог

бы защититься, если... – сказал он на грани слышимости и проглотил остаток фразы. Отабек поёжился: подсознание учтиво подкинуло образы его собственных брата и сестрёнки. – Я его на амбарный замок в этой вот комнате запираю одного. В ней одной окна от бомбёжек не выпали, и теплее было хоть немного. Он плакал, что ему страшно, а я запираю, чтоб не украл никто, и уходил. Уходил, а потом по накатанной – почту разнести, потом за водой на Неву. С ведром и санками вон этими, – Юра кивнул на пылившиеся в углу санки. – Универсальное средство передвижения. Трамваи уже не ходили – так и застыли на улицах, стояли все в снегу. Вот на санках всё и таскали.

- Тяжело? – спросил Отабек.

- Тяжело, – подтвердил Юра. – Когда голодный, мышцы совсем ни к черту. Я так долго протянул, только потому что спортсмен, наверное. Кто послабее – на улице прямо умирали. И главное, убирали-то не сразу. Потому что сил ни у кого не было.

Про это Отабек тоже знал, читал накануне. Похуже всех современных ужастиков, вместе взятых. Он прокашлялся и снова посмотрел на Юру.

- Эвакуировали по спискам, через Ладогу. Страшно, конечно. Поговаривали, что там машины каждый день в полынью проваливались – слишком много брали людей. Половина по дороге замерзало. А куда было деваться? – Юра повёл рукой, словно бы убеждал себя в правильности собственного решения. Потом замолчал ненадолго, тряхнул головой. – Мы с братом в списке стояли на середину марта. И надо было дотянуть. Я дни считал. У брата началась дистрофия – лежал весь день, только хныкал. Я ему весь хлеб в кипятке заваривал, этим мякишем кормил с ложки. Потом кот пропал... – Юра замолчал, зажмурился, сжал кулаки. Собирался с силами, как показалось Отабеку. – У нас жил. Серый, обычный. Грел ночью, я с ним спал в обнимку. Он крыс ловил, иногда воробьев притаскивал, делился с нами. Я от соседей его прятал. А потом он пропал. И хорошо, что пропал, а то я сам думал его... Бл*ть, – Юра совсем опустил голову и затих ненадолго. – Брата нечем кормить было, а у него дистрофия, мне так сказали. Я боялся, что он тоже умрёт. Поэтому я мог...

- Юра, – Отабек встал почти неосознанно, подошёл близко, хотел было положить руку на плечо, успокоить, но рука прошла насквозь, так что Отабек почти потерял равновесие.

Юра усмехнулся, мгновенно подобравшись, словно не было минутной слабости.

- Жалеть меня собрался? – язвительно спросил он. – Я мёртвый, мне всё равно. Мне не больно, я не плачу, не ем, не сплю и не дышу. И почти ничего не помню. Оно забывается со временем. Как брата звали, не помню. Своё-то имя скоро забуду. Какая тебе радость меня жалеть? Ты состаришься, умрёшь. А я здесь останусь. Навсегда. В этой чёртовой квартире. Навсегда.

- Я не для радости, – ответил Отабек, – для совести. Я хочу тебе помочь, Юра. Можно или нет?

- И чем же ты мне собрался помогать? Позовёшь священника?

- Если захочешь, – пожал плечами Отабек. – В интернете написано, что ты мог... остаться здесь, потому что есть какое-то незавершенное дело.

- В интернете у него написано, – фыркнул Юра.

- Что бы ты хотел узнать или сделать, Юра? Я попробую помочь.

- Попробует он, – заворчал Юра, несколько раз переступив с ноги на ногу и нетерпеливо заломив пальцы. – Я вообще-то, – неуверенно добавил он спустя мгновение, – я бы хотел

узнать, что с братом стало. И... и как я умер, где похоронен. Похоронен ли вообще. Вот и всё.

- Можно посмотреть в архивах, если ты вспомнишь свою фамилию, – с готовностью принялся рассуждать Отабек, сделав пару шагов туда-обратно вдоль окна. – И отчество. И как звали брата. А начну я с того, что проверю приму Мариинки Барановскую. И поспрашиваю у хозяйки.

- Не смей про меня ничего говорить никому, ты понял? – предупредил Юра.

- Я не скажу, Юра, – пообещал Отабек. – Всё будет хорошо.

Отабек еще раз пробежал взглядом составленный план действий. Сначала узнать, есть ли где-то сохранившиеся архивы о тех, кто погиб во время блокады, может быть, списки на эвакуацию. Потом съездить в Мариинку и узнать про Барановскую и её учеников. Если Юра занимался фигурным катанием, может быть, остались какие-то данные с соревнований. И наконец, съездить к хозяйке квартиры, она ведь могла знать, кто жил здесь раньше, может быть, даже знала Юриного брата. И поскольку поиск в архивах был бесполезен, пока Юра не вспомнил фамилию, Отабек решил начать с Мариинки.

- Есть еще одно место, где я в последнее время себя обнаруживаю, – проговорил Юра, неожиданно появившись у Отабека за спиной, так что тот аж подпрыгнул на стуле, и поперхнулся чаем. – Ну как, в последнее... Лет пятнадцать уже. Не знаю, как это может быть связано с моей жизнью – я точно этого места никогда не видел, хотя по ощущениям, это в Ленинграде. Но это бывает часто. Чаше, чем в танцевальном классе и на катке. И я там как-то по-другому себя чувствую. Беспокойно.

- Я могу попробовать нарисовать, если ты мне объяснишь, – Отабек взял лист бумаги и карандаш.

- Ты ж вроде инженер, а не художник, – фыркнул Юра.

- Архитектор, вообще-то, – поправил Отабек. – Эскиз нарисовать смогу. Рассказывай.

- Это где-то в парке. Там постамент. Видимо, памятник, вроде как Медный Всадник, – Юра прищурился, словно пытаясь вспомнить. – На постаменте что-то вроде ящика без дна. На колёсах... И сбоку ещё колёса. Как-то так.

- Ящик глубокий или нет? Колёса большие? – принялся задавать вопросы Отабек, делая карандашный набросок.

Они так рисовали "под диктовку" около пятнадцати минут, после чего Отабек очень приблизительно добавил свет-тень, делая рисунок объемным. Потом показал Юре.

- Ну даёшь! – восхитился Юра. – Очень похоже. Знаешь, где это?

Отабек покачал головой. Этого места в Питере он никогда не видел.

- Ну смысл тогда был рисовать? – окрысился Юра и отвернулся. – Если ты всё равно не знаешь.

- Покажу Виктору, – Отабек поднялся и направился на кухню.

- Чего? Совсем ополоумел? – Юра мгновенно последовал за ним, безуспешно пытаясь преградить путь.

- Виктор? – окликнул Отабек, входя на кухню. Виктор расположился за столом, читая какой-то обернутый в газету томик и распивая чай.

- Да, мой друг? – он поднял глаза на Отабека, естественно, игнорируя мельтешившего за его спиной Юру.

- Вы давно живёте в Питере? – зашёл издалека Отабек.

- Я здесь родился, а Гоша переехал из какой-то Тмутаракани местного разлива, когда поступил в музучилище, – охотно ответил Виктор, заложив книгу закладкой. – А что?

- Вы тогда, наверное, можете подсказать, где вот этот памятник? – Отабек положил перед ним листок с рисунком.

Виктор отложил книгу, взял листок, прищурился. Потом быстро разжал пальцы, словно обжёгся, рисунок упал на стол. Виктор поднял на Отабека взгляд, и в голубых глазах был какой-то испуг и искренняя печаль.

- Ты откуда знаешь про это? – спросил он серьёзно.

- Убью, если скажешь! – Юра появился в поле зрения и показал кулак.

- Приснилось, – ляпнул Отабек. – Вот, пытаюсь понять, что это.

- Не завидую, если тебе такие сны снятся, мне в твоём возрасте совсем другое снилось, – Виктор многозначительно повёл бровями, потом снова посерьёзnel, покачал головой. – Это вагонетка.

- Вагонетка? – уточнил Отабек.

- Знаешь про блокаду Ленинграда? Проходили в школе? – спросил Виктор, хлопнув по карманам в поисках сигарет. Отабек кивнул. – В первую зиму люди каждый день тысячами умирали от голода или замерзали, – Виктор чиркнул спичкой, прикуривая, затянулся, вернул коробок на место – в коробку рядом с плитой. – Когда похоронные службы перестали справляться, под крематорий переоборудовали один из кирпичных заводов. Там как раз в таких вот вагонетках сжигали тела, а потом пепел ссыпали в ближайший овраг и закапывали.

Отабек молчал, косясь на замершего у окна Юру.

- На месте завода сейчас парк. На Московском проспекте, – Виктор стряхнул пепел, затянулся снова, задумчиво посмотрев в окно, сквозь Юру. – Году в двухтысячном вроде из одного из прудов в этом парке достали вагонетку для обжига кирпича, она на дне больше пятидесяти лет пролежала. Мне тогда лет пятнадцать-шестнадцать было, помню шумиху по телевизору. Разбирались долго, очевидцев искали. Потом какая-то из работниц завода того времени признала вагонетку и рассказала, как... – Виктор затянулся, закашлялся, но продолжил: – как это всё... Понимаешь?

- Вы можете меня туда отвезти? – спросил Отабек негромко.

- Тебе зачем это? – Виктор обернулся к нему. – Не надо.

- Надо, – ответил Отабек. – Выходной сегодня. Вы можете со мной туда поехать?

- Ну... – Виктор поморгал, затушил сигарету, встал, – поехали.

- Не ходи! – вскинулся Юра. – Я не хочу, чтобы ты ходил. Ты узнал, почему я там появляюсь. И узнал, где меня похоронили. Всё. Хватит.

- Поехали, – Отабек кивнул Виктору.

У памятника вагонетке, Отабек почему-то вспомнил песню Высоцкого. «У братских могил нет заплаканных вдов, сюда ходят люди покрепче». Сейчас Отабек не был уверен, относится ли он к категории «покрепче». Он стоял, опустив голову, часто моргал и сглатывал, потому что глаза нещадно пекло, а в горле застрял такой болезненный комок, что он думал, что сейчас задохнётся. Виктор сначала курил в сторонке, потом отошёл ненадолго, вернулся с четырьмя красными гвоздиками. Две положил на постамент сам, две отдал Отабеку, и ушёл, сказав, что будет ждать у входа.

Отабек присел на корточки возле постамента, запихнул цветы между чёрными стальными спицами колёс вагонетки, тронул пальцами колесо, прижался ладонью сильно, придавил. Зажмурился. Выдохнул с силой. Встал и пошёл к выходу. Сегодня он, пожалуй, не станет отказываться, если Виктор предложит коньяку.

Поездка в Мариинку, а затем в хореографическое училище имени Вагановой, куда его перенаправили, была плодотворной: Отабек нашёл ветхую старушку, Алевтину Ивановну, преподавательницу хореографии, которая когда-то была любимой ученицей той самой великой и ужасной Лилии Барановской. Алевтине Ивановне было восемьдесят два года, и она была родом из Перми. Её привезла с собой в Ленинград труппа Мариинки, когда окончательно вернулась из эвакуации. По словам Алевтины Ивановны, Барановская вернулась раньше, и они познакомились уже куда позже, когда Алевтина Ивановна попала в её класс в училище. Алевтина Ивановна передала Отабеку под большим секретом, за красивые глаза, как она пояснила, подмигнув, две папки с газетными вырезками и старыми документами, которые остались в кабинете Барановской после её смерти и которые Алевтина Ивановна сохранила.

Отабек раскладывал документы аккуратно, сидя за столом. Всё, что касалось временного промежутка после сорок пятого года он отложил сразу в сторонку, с военного времени почти ничего не осталось, поэтому Отабек сосредоточился на довоенных документах. В страницах какой-то старой газеты нашлось несколько фотографий. На одной – серьёзный мужчина в военной форме, Отабек посмотрел на обратную сторону: подпись "Я.Ф."

- Это Яков Михалыч, – слышалось сзади. Отабек обернулся и махнул рукой Юре.
 - Привет, – поздоровался он. – Вот, архивы твоей учительницы разбираю.
 - Яков Михалыч моим тренером был. У них вроде как шуры-муры были с Барановской, а потом он на фронт ушёл, хотя мог в эвакуацию, – пояснил Юра. – Фамилию свою настоящую скрыл – и на фронт. Погиб, наверное. Кто там ещё? – заинтересованно проговорил он. Отабек начал поочередно показывать ему фотографии. – Это Милка, в балетном училище занималась, – Юра указал на фотографию рыжеволосой девушки, – Барановская её всегда выделяла. А это... я, – добавил он как-то даже удивлённо.

На выцветшей карточке действительно был Юра, правда, выглядел он куда более ухоженным, не таким измождённым. Он был одет в светлый костюм, видимо, для выступлений, волосы, ещё не такие длинные, были причёсаны как-то мудрёно. И он улыбался, открыто, так что блестели зелёные глаза, и это было заметно даже на чёрно-белой фотографии. Отабек завис на мгновение, в основном, оттого, насколько заметной была разница... Но потом опомнился, быстро перевернул фотографию. Прочитал подписанное простым карандашом: "Плисецкий Юрий".

- Плисецкий, – Отабек поднял глаза на Юру. – Твоя фамилия Плисецкий, Юра.
 - Плисецкий, – повторил Юра негромко и уверенно кивнул, – Юрий Плисецкий.
 - Отлично! – Отабек победно поднял сжатый кулак. – Теперь можно найти тебя в базах! – Он открыл ноутбук.
 - Эй, Отабек! – в комнату заглянул Георгий. – Ты с кем там разговариваешь? – поинтересовался он.
 - Я... – Отабек замялся, оторвавшись от ноутбука и мельком глянув на насупившегося и сжавшего кулаки Юру. – Да так, сам с собой.
 - Не нравишься ты мне что-то в последнее время, – Гоша оперся плечом о дверной косяк.
 – Всё в порядке?

- Да, – Отабек кивнул, снова посмотрел на Юру. Тот выглядел взволнованным, смотрел на Георгия с подозрением.
- Что тогда носишься по городу колбасой? – продолжил допрос Георгий. – Витя сказал, у тебя кошмары какие-то... Проблемы?
- Не у меня, – Отабек опустил голову, – у друга.
- Ааа... Помочь чем? – спросил Гоша.
- Справимся, – ответил Отабек. – Мне бы только кофейку, – и пошёл на кухню.

Когда Отабек вернулся в комнату с кружкой кофе, Юры не было, а из каморки доносился частый стук метронома. Отабек вздохнул, дошёл до каморки, постучал и протиснулся внутрь. Юра стоял у окна, закусив губу. Метроном стучал часто-часто.

- У друга, значит? – пробормотал Юра. – Какой я тебе друг? Я мёртвый.
- Всё равно, – пожал плечами Отабек. – Будешь со мной дружить или нет? – Отабек протянул руку.
- Да я пожать руку тебе даже не могу, – отмахнулся Юра.
- Это ничего, – Отабек руку опустил, подошёл к метроному, остановил маятник, подвинул грузик выше и снова запустил, сменив ритм на спокойный. – Пойдём, поищем тебя в архивах.

В архивах Юру они нашли: Плисецкий Юрий Павлович, дата рождения – первое марта тысяча девятьсот двадцать шестого года, дата смерти – двенадцатое марта тысяча девятьсот сорок второго, место захоронения неизвестно. Отабек постарался найти других Плисецких среди списков умерших и эвакуированных, Юра хмурился, пытался вспомнить имена деда и брата, но так и не смог. Фамилия не слишком популярная, и среди восьмисот тысяч эвакуированных, Плисецких, более-менее подходивших по возрасту, нашлось только двое, но ни в одном из них Юра, по ощущениям, брата не узнал. Отабек решил на следующий день съездить всё же к хозяйке квартиры, а пока лечь спать, потому что глаза слипались просто нещадно – стрелки часов показывали половину пятого утра. Накрывшись по самый подбородок, он вздохнул.

- А если бы я был жив? – слышался голос Юры совсем близко, Отабек открыл глаза и нос к носу столкнулся со склонившимся над ним Юрой. – Что бы мы с тобой делали?
- Ну... – замешкался Отабек, инстинктивно вжимаясь затылком в подушку, – в кино бы ходили, например. На концерты. В компьютерные игры бы играли. Я бы тебя на байке прокатил, на мотоцикле то есть...
- Это неплохо, – Юра отошёл к окну и задумчиво посмотрел на метавшиеся от ветра ветки. – Только вот если бы я тогда выжил, мне бы уже было девяносто лет. Так на мотоцикле не покатаешься, – он опустил голову.
- Я прикрутил бы коляску, – сквозь сон пробормотал Отабек.

Он проспал по ощущениям совсем недолго, когда Юра вдруг громко вскрикнул. Отабек подскочил на кровати и как был, босиком в одних трусах, подошёл к стоявшему у окна и освещённому первыми солнечными лучами Юре.

- Николенька! – быстро и взволнованно проговорил тот. – Брата звали Николенькой. Как деда. Николай Павлович Плисецкий.

Поиск в интернете ничего не дал: Николая Павловича Плисецкого, декабря тридцать пятого года рождения, не было ни в списках погибших, ни в списках эвакуированных. Если мыслить оптимистично, то можно было предположить, что Юрин брат остался жив, о чём Отабек сразу Юре и сообщил.

- Ну, или его сожгли в печах кирпичного завода, как меня, просто у него уже не было родственников, которые бы имя-фамилию сообщили. Там же были неопознанные, в братских могилах, – огрызнулся Юра, нервно закусив губу. – Или ещё что похуже, – он отвернулся к окну, – так что и следов не осталось.

Про "похуже" Отабек предпочитал не думать – наслушался от Юры, начитался в интернете, что могло с маленьким мальчиком произойти в голодающем городе. Единственным способом убедить себя и Юру в обратном было найти Николеньку как можно скорее.

К хозяйке квартиры Отабек поехал в тот же день. Виктору и Гоше сказал, что намерен снимать комнату и дальше, поэтому хотел бы хозяйке всё-таки показаться, а заодно отвезти оплату за месяц. Хозяйка, Тамара Петровна, действительно оказалась Божьим одуванчиком: деньги приняла с благодарностью, дальнейший съём квартиры одобрила, напоила крепким чаем с домашним печеньем и развлекла беседой. Однако о Николае Павловиче Плисецком она ничего не знала. По её словам, две комнаты в коммуналке её родители получили в послевоенное время – отец Тамары Петровны был героем войны, орденосцем. Ещё две комнаты достались какому-то рабочему-стахановцу и его жене, но жили они только в одной, а в другой сложили все оставшиеся от прошлых жильцов вещи. Тамара Петровна в каморку заходила редко, жизнью прошлых жильцов ожидаемо не интересовалась, фамилию Плисецкий ассоциировала только с Майей Плисецкой. Отабек Тамару Петровну поблагодарил и откланялся.

По дороге обратно в город он продумывал дальнейшие шаги. Все ниточки оборвались: и поиск в архивах, и хозяйка квартиры, и Мариинка. Хотя... единственной оставшейся зацепкой всё ещё была преподавательница хореографии, Алевтина Ивановна. Её можно было поподробнее расспросить о Барановской, вдруг великая балерина знала каких-то дальних родственников Юры, которые могли забрать к себе осиротевшего Николеньку, вдруг что-то рассказывала своей ученице. Кроме того, Отабек должен был вернуть Алевтине Ивановне архивы Барановской – он взял их только на время и обещал привезти обратно. Всё, хоть сколько-нибудь связанное с Юрой, он сфотографировал на телефон и сохранил в отдельной папке на ноутбуке.

В коридоре танцевальных классов Вагановского училища было шумно: по коридорам бегали туда-сюда худющие парнишки в чёрных трико и тощие девчонки в светлых воздушных юбочках. Отабек нашёл нужный класс по памяти, дождался, пока измождённые триста двадцать пятым по счету гран-батманом дети отправятся на законную передышку, и аккуратно постучал. Алевтина Ивановна его узнала, вроде бы, даже была рада видеть. Отабек отдал ей папки, но уходить не спешил.

- Ну, чего мнётся? – спросила Алевтина Ивановна.

- Я... – Отабек почесал затылок. – Я, если честно, не от любви к балету это всё. И на историческом я не учусь, – припомнил он то вдохновенное враньё, которое он с poker-фейсом задвигал старушке в прошлый раз. – Я ищу информацию про одного человека. Николай Павлович Плисецкий. Ему в сорок первом было шесть лет, а его старший брат, Юра, как и вы, был учеником Лилии Барановской. Юра погиб в блокаду. Я подумал, вдруг Барановская вам что-то рассказывала про него, вдруг она каких-то родственников знала, которые Николеньку могли забрать...

- Вон оно как, – покачала головой старушка. – Ты откуда всё это знаешь?

Отабек опустил голову – сдавать Юру он не собирался. Как наяву виделось обвинение, злость, беспокойство в зелёных глазах, которое всегда возникало, когда в их с Отабеком маленький междусобойчик вмешивался кто-то третий, будь то Виктор или Георгий.

- Вы не подумайте, мне ничего не нужно, – проговорил Отабек, подняв взгляд и встретившись с почти выцветшими светлыми глазами старушки. – Просто... просто надо знать, выжил ли Николенька после блокады Ленинграда.

- Я расскажу тебе, если ты расскажешь, как ты вообще про всё это узнал, – заупрямилась старушка. – Ты по виду-то не местный, какое тебе дело до блокады и судьбы ленинградцев?

- Я учусь в архитектурном. Снял комнату в коммуналке, – признался Отабек. – Там есть каморка, в которой старые вещи хранятся. Там нашёл кое-что, начал копать, потом в архивах...

Рассказал Отабек всё по-честному, про кирпичный завод, про вагонетку и про архивы, опустил только, что всё это произошло оттого, что однажды ночью он услышал из заброшенной каморки стук метронома, а на следующее утро увидел на кухне тощего мальчишку-призрака с удивительными зелёными глазами.

- Я не преступник, – веско припечатал в конце рассказа Отабек, сложил руки в замок перед собой, как подсудимый перед прокурором, и посмотрел на Алевтину Ивановну.

Старушка смотрела на него долго, испытующе, потом вдруг улыбнулась и проговорила:

- Ну, поехали тогда со мной, не преступник.

Мотоцикл пришлось оставить у Вагановского – Алевтину Ивановну возил личный водитель, выделенный училищем почётному педагогу. Они остановились у большого дома почти на самой площади Исаакиевского собора, Алевтина Ивановна уверенно вошла в светлую чистую парадную, зазвенела ключами. Отабек придержал старушку под локоть, помогая подняться по лестнице на второй этаж. На душе было как-то странно легко, а в пустой голове осталась только одна мысль – что всё, что происходило, было каким-то удивительно правильным и нужным. Алевтина Ивановна открыла дверь, и Отабека сразу окутал запах свежей домашней выпечки, так что во рту мгновенно скопилась слюна.

- Алечка, ты? – послышался из кухни мужской голос.

- Я, я, – ответила Алевтина Ивановна, снимая мягкое кашемировое пальто и вешая его на вешалку. – Тут к тебе молодой человек, – добавила она, кивнув Отабеку, чтобы снимал куртку.

- Ко мне? Кто ко мне может ходить? – удивлённо ответил голос, и послышались шаркающие шаги.

Отабек едва слышал, потому что кровь в ушах стучала, как басы из хорошей аппаратуры – оглушительно. Он увидел довольно крепкого для своих восьмидесяти с лишним старика, который появился в прихожей, отряхивая запачканный мукой фартук. У него были светлые глаза и густая, окладистая борода. А ещё от него пахло домашними пирогами, и он улыбался так, что сразу хотелось улыбнуться в ответ.

- Вы, – едва не задохнулся Отабек, – вы Николенька?

Отабек сидел, уставившись на заботливо поставленную перед ним чашку с чаем и недоеденный пирог с капустой. Кусок в горло не лез, особенно после того, как он рассказал Николаю Павловичу о причине своего визита. Про Юру он предусмотрительно ничего не сказал: не хватало ещё нервировать пожилого человека, тем более что Юру он, скорее всего, не увидит. Для Отабека вообще оставалось загадкой, почему Юру видит именно он. Алевтина Ивановна оставила их вдвоём на кухне и ушла к себе.

- Так ты, значит, про Юру хочешь узнать? – уточнил Николай Павлович.

- Я вещи нашёл, – пробормотал Отабек, скрестив под столом пальцы на обеих руках – сам понимал, что рассказ звучал не слишком правдоподобно. – Потом интересно стало, начал в архивах копаться... Вот вас нашёл. Вы простите, если не в своё дело лезу.

- Да уж, – Николай Павлович потёр бороду. – И что с тобой таким делать?

- Я обещаю вам, что никому ничего не расскажу, просто мне нужно знать, – Отабек вздохнул, уже про себя придумывая, как он будет доказывать Юре, что нашёл его брата, что тот на самом деле жив, что у него семья и что он готовит вкуснейшие пирожки.

- Видишь ли, Юра умер из-за меня, – проговорил вдруг Николай Павлович, задумчиво глядя в окно. – Ночи даже в марте были холодные, – он прищурил стянутые паутиной морщинок глаза, – очень холодные. Я помню, плакал, что замерзаю, и не спал. А Юре вставать было рано – за пайком нашим идти, потом меня кормить, почту разносить. А я хныкал и не спал. Он тогда снял свой тулуп, закутал меня, поверх моего, руками вот так обнял, – Николай Павлович изобразил объятия, – и раскачивал в такт, медленно, как метроном стучал. "Терпи, Николенька," – говорил, – "вот уедем в эвакуацию, там заживём". Заживём...

Николай Павлович закрыл глаза рукой, вздохнул тяжело. Отабек молчал – не знал, что говорить в таких случаях, чем поддержать человека, который считает себя виноватым в смерти любимого брата и живёт с этим уже семьдесят с лишним лет.

- Лилия Зиновьевна нас так и нашла утром, в обнимку, – продолжил Николай Павлович, подняв покрасневшие глаза. – Она Юру теребила, по лицу била даже, кажется. А он холодный, замёрз насмерть. Не помню, сколько мы так с ней потом сидели и плакали вместе. Она меня забрала к себе, – Николай Павлович слегка встряхнулся, глотнул чаю. – У неё паёк был повышенный, для деятелей науки и искусства, которые отказались ехать в эвакуацию. Потом даже в стационар усиленного питания меня определила, для творческих работников организовывали уже в сорок втором. Мне там давали и яйца, и сливочное масло. Она потом уже мне рассказала, что за этим из эвакуации и вернулась – спасти тех, кто остался в живых из её учеников. Своих-то детей у неё не было... Юру больше всего спасти хотела, – вздохнул он, – и на один день всего опоздала. А всё я с тулупом. Иногда думаю, как я живу-то со всем этим столько лет... – Николай Павлович снова закрыл лицо руками.

- Вы... Вы не хотите со мной туда поехать? – спросил Отабек. После такого рассказа он был уверен, что визит Николая Павловича в коммунальную квартиру нужен уже не только и не столько Юре, сколько самому старику. – Может быть, вам легче станет? Там вещи остались... возьмете что-то... Я вас могу прямо сейчас отвезти.

- Да я, – замялся Николай Павлович, – внук должен с занятий вот-вот вернуться, я ему пирожки...

- Пожалуйста, – Отабек поднялся, – пожалуйста, давайте съездим. Я вас отвезу туда и обратно. Пожалуйста, Николай Павлович. Поедем ради Юры.

В такси ехали молча. Алевтина Ивановна тщательно записала адрес под диктовку Отабека и осталась дома ждать внука. Отабек временами косился на сидевшего рядом Николая Павловича, тот хмурился, потирал широкую ладонь большим пальцем другой руки и периодически покашливал, кряхтя.

Квартира встретила их как всегда улыбчивым лицом Виктора, сдержанным кивком Гоши и едва различимым частым-частым стуком метронома. Отабек оставил Николая Павловича в прихожей под присмотром Виктора, а сам в несколько шагов преодолел расстояние до каморки, протиснулся внутрь, нашёл глазами тощую фигурку Юры на фоне темнеющего окна.

- Ты чего так долго? – фыркнул Юра. – Если хочешь знать, я... – он осёкся, с подозрением посмотрел на дверь, из-за которой доносились голоса.

- Я его нашёл, Юра, – сообщил Отабек. – Николеньку. Он здесь.

Юра сначала молчал несколько мгновений, удивлённо хлопал зелёными глазами, потом отошёл на два шага назад, словно чего-то испугался.

- Я ему ничего про тебя не сказал, но ты ведь, наверное, хочешь узнать? – Отабек сделал шаг к нему. – Его на самом деле забрала к себе Барановская после твоей смерти, я потом тебе всё расскажу, просто я подумал, что ты захочешь на него посмотреть...

Ответить Юра не успел, дверь скрипнула, чуть поддалась, Отабек отодвинул от неё сваленные вещи, открыл пошире. Николай Павлович вошёл в комнату неторопливо, с опаской, как возвращается человек в родное место, где давно не был, и словно боится, что не узнает вещей или запахов. Юра наблюдал за ним во все глаза, приоткрыв рот и поворачиваясь всем корпусом на каждое его движение. "На деда похож," – проговорил почти одними губами, как будто боялся, что Николай Павлович его услышит. Тот тем временем осторожно потрогал стоявшие спинкой вверх санки, потерев краешки рукавов проеденного молью тулупа, долго смотрел на стучавший метроном, потом тяжело опустил на составленные друг на друга старые чемоданы и прикрыл ладонью глаза.

- Вы в порядке? – спросил Отабек.

- Да, – кивнул Николай Павлович. – Ничего не изменилось тут. Вещей только ещё больше свалили, – он снова огляделся. – А я ведь сюда так и не возвращался с того утра. Комнату на всю жизнь запомнил, а вот какой дом, какой подъезд, как идти – забылось, стёрлось как-то...

Отабек молчал, косясь на Юру. Тот застыл, впитывая каждое слово. Николай Павлович поднял с пола тулуп, потёр пальцами старую шероховатую кожу.

- Вот он, тулуп этот, из-за которого... – Николай Павлович выпустил из рук тулуп, зажмурился, плечи его дрогнули. Отабек посмотрел на Юру, тот, казалось, не знал, куда себя деть: подошёл на пару шагов, протянул руку, чтобы погладить брата по голове, отдёргнул, вернулся к окну, встал к ним спиной, опустил голову. Отабек разрывался

между желанием поддержать несчастного старика и насущной потребностью успокоить Юру. Маятник метронома метался из стороны в сторону, отбивая частый ритм.

- Бл*ть, – ёмко выразился Юра, сжав кулаки. – Я вспомнил всё. Чёрт.

Отабеку сказать было нечего, поэтому он промолчал, аккуратно положил руку на плечо Николая Павловича. Старик пожал руку Отабека, тихо прокряхтел что-то, выдохнул: «Прости меня, Юра». Юра всё так же стоял лицом к окну, так же сжимал кулаки, зелёные глаза горели.

- Да скажи же ты ему! – воскликнул он вдруг. – Он ни в чём не виноват. Было бы у меня две жизни – я бы ещё раз так сделал! Скажи ему! Отабек!

Звук собственного имени резанул по ушам как-то по-особенному: до этого Юра никогда его по имени не звал. Отабек присел на корточки, заглянул Николаю Павловичу в глаза. Слова приходили как-то сами по себе, Отабек не запоминал даже. Говорил он непривычно много для себя, что-то про то, что Юра наверняка на него не обижался, что даже если и обижался, то давно простил, что от того, что беспокоится Николай Павлович, беспокойно и Юре, что Юра наверняка его сильно любил, раз так сделал, и что-то ещё, пока Николай Павлович не положил руку ему на плечо, останавливая.

- Добро, сынок, – сказал он негромко, заглянул Отабеку в глаза, улыбнулся. – Хороший ты, смыслёный, – он потрепал Отабека по волосам. – Спасибо, что разыскал, что привёз сюда. Мне самому как-то легче стало, что выговорился.

- Не за что, – ответил Отабек, помогая Николаю Павловичу подняться: старика немного шатало, видимо, перенервничал сильно. – Я такси вызову, до дома вас провожу. Может, чаю пока?

- А почему нет? – вздохнул Николай Павлович.

Оставив Николая Павловича с Виктором на кухне, Отабек вернулся в каморку. Юра был там, ходил туда-сюда по комнате, метроном просто захлёбывался стуком.

- Юра, ты как? – обеспокоенно спросил Отабек, подойдя к нему.

- Если бы я был жив, я бы сказал, что мне душно, – пожаловался Юра. – И что я устал.

- Открыть окно? – спросил Отабек.

- Ну открой, – пожал плечами Юра, снова пройдя от окна к двери и обратно. – Что теперь? Ты такую тут речь толкнул, что я прямо поверил, что ты специалист по таким как я.

- Я не помню, что я говорил, – ответил Отабек. – Я просто хотел, чтобы тебе стало легче.

- Стало, – кивнул Юра. – Спасибо. Что я тебе должен взамен? Замолвить за тебя словечко на том свете? – он криво усмехнулся.

- Ничего не надо, мы же друзья, – Отабек покачал головой. – Ты теперь уйдёшь? – спросил он вдруг, сам себе удивляясь: теперь, когда, казалось бы, он сделал всё, что от него требовалось, расставаться с Юрой не хотелось.

- Наверное, – пожал плечами Юра. – Я, знаешь ли, мёртвый, а ты живой. Так что придётся тебе другого друга поискать, с кем в кино ходить и на мотоцикле кататься. – Юра отошёл к окну, вытянул руку, поводил по воздуху. В комнате стало прохладно – солнце совсем скрылось, напозли стальные сумерки. – Ты точно ничего не хочешь от меня? – спросил Юра.

- Если только... – Отабек потыкал пальцем в телефон, нашёл фотографию Юры из архивов Барановской, показал ему. – Улыбнёшься так или нет? – спросил он.

- Я не уверен, что получится, – хмыкнул Юра, попытавшись растянуть губы в подобие улыбки.

Получилось плоховато, но Отабек оценил усилия, улыбнулся в ответ. В прихожей послышался настойчивый звонок, потом в дверь заколотили кулаками. Отабек отвлёкся буквально на секунду, а когда обернулся, Юры уже не было.

- Юра? Ты где? – Отабек огляделся. – Юр? – позвал он снова, но никто не ответил.

Поток ветра ворвался в комнату, стукнув старыми деревянными рамами. Отабек подошёл закрыть окно и зацепился взглядом за стоявший на подоконнике метроном. Маятник замер, не дойдя до середины – метроном замолчал. Отабек подошёл к прибору, погладил пальцем деревянную поверхность. Упёрся руками в подоконник и опустил голову.

Дверь распахнулась так, словно её вышибли тараном. Отабек обернулся и в тот же момент, пожалуй, пожалел, что он не был кисейной барышней и не мог с чистой совестью шлёпнуться в обморок и лишиться чувств. Из-под светлой челки на него смотрели изумрудно-зелёные глаза.

- Это ты, значит, тот добрый самаритянин, который увозит стариков из дома хрен знает куда под благовидным предлогом? – рявкнул юноша, подойдя к нему вплотную и схватив за грудки.

- Эм, Отабек, к тебе тут гость, да, – в дверном проеме замаячил Виктор, – и он, мягко скажем, не в лучшем расположении духа.

- Щас особо остроумные тут получают по шам! – парень злобно зыркнул на Виктора, затем снова перевёл взгляд на Отабека.

- Юра? – опешил тот, явственно ощущая тепло от сжимавшей его футболку руки и отчётливо слыша прерывистое дыхание парня. – Как ты...

Отабек смотрел во все глаза и медленно осознал. Державший его сейчас за грудки субъект был удивительно, просто поразительно похож на Юру. Те же зелёные глаза, тот же решительный огонь в них. И светлые волосы, и длинные, тонкие пальцы. Но не было болезненной худобы, тоски во взгляде, не было отчаяния и нервозности в движениях. Не было страшной судьбы и семидесяти с лишним лет одиночества. Зато был мягкий румянец на щеках, запах чего-то живого, тёплого и родного и какой-то аляповатый леопардовый принт на куртке.

- Ты ещё и имя моё знаешь, да? – фыркнул парень и тряхнул чёлкой, совсем как Юра. – Хорошо подготовился, ничего не скажешь. Да будет тебе известно, что я на твои эти мошеннические штуки не куплюсь! Дед где?

- Юрочка? – в комнату заглянул Николай Павлович, а за ним и Георгий. – Ты как тут?..

- Деда! – Юра мгновенно отпустил Отабека, подошёл к деду, осмотрел, проверяя целостность родственника. – Ну кто так делает-то, ну? Свалил с каким-то подозрительным типом к нему на квартиру, бабуле толком ничего не объяснил. Хорошо, она адрес хоть записала!

- Ты погоди ругаться, – Николай Павлович поднял руки в оборонительном жесте, – разберись сначала по порядку. Я сам приехал. Мне было нужно. Я в этой квартире жил в блокаду. А этот вот молодой человек помог мне кое-что очень важное вспомнить.

- Ну етить! Ещё я буду разбираться, – принялся бормотать Юра. – Если кто тебя обидит – в табло с ноги сразу. У меня просто всё! – огрызнулся он, воинственно глядя на Отабека.

- Ну-ну, – Николай Павлович потрепал внука по голове, – защитник ты мой!

- А хоть бы и так! Защитник. Ты кто такой вообще? – обратился он к Отабеку, смотревшему на всё это, словно из зрительного зала, и не верившему в происходившее перед его глазами.

- Я... Отабек, – брякнул он, протягивая руку. – Будешь со мной дружить или нет?

- Детский сад, штаны на лямках, – фыркнул Юра. – Ты ещё спроси, есть ли у меня домашние животные и какой у меня любимый диснеевский мультик.

- Кот есть, – снова на автомате проговорил Отабек. – Наверное, – добавил он, опомнившись.

- Ну допустим, – Юра сложил руки на груди, посмотрел с подозрением. – Странный ты, –

усмехнулся он, – как пыльным мешком пришибленный.

- А может, всё-таки чаю? – предложил Виктор. – Я так вам и не дорассказал, Николай Павлович. У нас есть замечательный чай, его Гоше прислала его родственница, которая была на Алтае, говорят, там травы... – Виктор увёл с собой Николая Павловича, и Отабек впервые был искренне рад, что его сосед – такое неисправимое трепло.

Юра огляделся в каморке, рассматривая вещи, потрогал пару чемоданов, санки, поднял и кинул на сваленный чемоданы так и лежавший на полу тулуп. Отабек смотрел. Узнавал знакомые жесты, привыкал к незнакомым. Понимал, что это другой человек. Живой, со своими привычками и характером. Осознавал, что того Юры, которого хотелось согреть и успокоить, больше нет, и Отабек, пусть и будет помнить о нём всю жизнь, не сможет сделать ничего, чтобы его вернуть.

- Что это у тебя там? – спросил вдруг Юра и прищурился, заметив стоявший на подоконнике метроном.

- Это метроном, – ответил Отабек, посторонившись и осторожно проведя по метроному рукой, как по какой-нибудь драгоценности.

- Круто, – со знанием дела оценил Юра. – Настоящий, механический? Я посмотрю, – сказал он скорее утвердительно.

Отабек кивнул, наблюдая, как скользят по деревянной поверхности тонкие пальцы.

- Я заведу? – спросил Юра и, дождавшись ещё одного кивка, повернул рычажок несколько раз, запуская маятник и двигая грузик.

Юра сел на корточки у подоконника и замороженно смотрел. А Отабек закрыл глаза и слушал. Метроном стучал размеренно и спокойно. Так, словно всё было правильно. Отабеку почему-то подумалось, что, может, для этого в его жизни всё это и произошло. Что помнить мёртвых нужно ещё и для того, чтобы ещё больше ценить живых.

- Успокаивает, – пробормотал Юра. – Классная штука.

- Да, – ответил Отабек, открыв глаза. – Можешь его взять себе. Хочешь или нет?

- Ты странный, – Юра посмотрел на него снизу вверх, а потом вдруг улыбнулся, широко и открыто. – Приходи завтра к нам с дедом и бабулей на пироги. С котом познакомлю.

Отабек кивнул и улыбнулся: всё-таки ему удалось её увидеть. Улыбку. И он надеялся, что сможет сделать это ещё не раз.